

A person in a dark jacket and blue jeans walks away from the camera down a wet, paved path in a park. The path is lined with trees and illuminated by street lamps. The wet pavement reflects the person and the lights. The scene is misty and atmospheric.

Александр КАВ

Там где кончается рябь

Шеде

Александр КАВ

Там где кончается рябь

<https://litres.ru/74077353>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он думал, что его жизнь — серая и скучная. До того, как в луже увидел силуэт. До того, как компас указал не на север, а вглубь его души. До того, как мир вокруг стал пахнуть не асфальтом и пылью, а табаком, мёдом и первым льдом.

Его попутчик не имеет лица — только голос, обещающий рамен, и запах старой меди. Его цель — освободить душу капитана, запертую в компасе сто сорок лет. Его враг — не монстр, а прошлое, в котором друг оказывается убийцей отца.

«Запах нити» — история о том, как мы идём к людям, которых никогда не знали, и находим тех, кого всегда теряли

А потом Павел почувствовал нить. Она пахла сухим табаком, мокрой корой, мёдом с горчинкой и чем-то ознобным, как первый лёд на луже».

Эта история начинается там, где заканчиваются цвета. Павел ещё не знает, что самое страшное на этой дороге — не чудовища и не ловушки, а тот, кто идёт рядом и называет себя другом. Ведь иногда мы спасаем тех, кто нас предал. И иногда — прощаем.

Александр КАВ

Там где кончается рябь

«Там, где кончается рябь»

Зовут его Павел. Ему двадцать семь, и жизнь его застыла где-то между «всё нормально» и «как-то серо». Он работает в отделе технической поддержки крупной компании: надевает наушники ровно в девять утра, двадцать раз повторяет фразу «перезагрузите роутер», а в обед спускается в кулинарию за пирожками с ливером или треугольным кусочком творожной запеканки с улыбкой вспоминая вкус детства.

Вечера Павла похожи один на другой. Он приходит в свою однушку на пятом этаже панельной девятиэтажки, снимает ботинки и пьёт чай. Не зелёный и не какой-нибудь там улун с жасмином, а обычный чёрный, пакетированный, с двумя ложками сахара. Ест он чаще всего рис с овощами из микроволновки или заваривает лапшу быстрого приготовления. Иногда, по выходным, он покупает в «Пятёрочке» замороженную пиццу или делает макароны с сосисками. Живя одиночеством, конечно это не план всей жизни, но хочется, скорее не семейной такой суетливости, но чтобы кто то был рядом. Он сидит перед ноутбуком, смотрит ролики про путешествия или странные факты, листает ленту, но не залипает, а просто коротает время.

Похоже, всё устраивает. Жаловаться не на что. Квартира

есть, работа есть, здоровье есть. Но если бы кто-то спросил Павла, что он чувствует сейчас, он бы не нашел слов. Это не тоска и не депрессия. Это ощущение, что ты смотришь на мир через мутное стекло. Вроде всё видишь, всё слышишь, но до тебя не долетает ни запах дождя, ни вкус соли, ни смех прохожих. Ты просто наблюдатель.

Осень в этом году затянулась. Нет, не золотая, как в книжках, а мокрая, серая и въедливая. Дожди шли, не переставая, третью неделю. Павел ненавидел такую погоду: обувь насквозь, штаны липнут к ногам, а в метро пахнет сырой шерстью и пластиком. В один из таких вечеров он возвращался домой позже обычного. Задержался у коллеги — помогал тому разобраться с отчетами. На улице уже стемнело, фонари светили желтым электрическим светом, а асфальт блестел, как шлифованный камень.

Все лужи Павел привычно обходил, прыгая с пятки на носок, чтобы не зачерпнуть воды полной подошвой. И тут он остановился. Одна лужа, прямо у входа в арку, была слишком... правильной. Она не была похожа на обычную грязную лужу от растаявшего снега и дорожной химии. Она была чистой, как стёкла в оптике, и идеально ровной. В ней отражался дом напротив — мокрые стены, горящие окна, провода. Всё было как в зеркале.

Павел наклонился, рассматривая отражение. В луже, прямо под тем окном, где горел его собственный свет (он всегда

оставлял настольную лампу), стояла фигура. Длинный плащ, капюшон надвинут на лицо. Человек стоял неподвижно.

Павел оглянулся. В подворотне никого не было. Он снова посмотрел в лужу. Фигура в отражении стояла на том же месте. Более того, она немного наклонила голову, будто смотрела прямо на Павла.

«Ерунда какая-то, — подумал Павел. — Игра света, блики от фар».

Он моргнул. Сильно, до рези в глазах. Поднял голову. Фигура в отражении исчезла. В луже теперь колыхалась только рябь от легкого ветерка, искажая очертания дома. Павел постоял ещё минуту. Всё было как обычно. Обычная осень. Обычная лужа. И всё же что-то царапнуло его изнутри. Он зашел в подъезд, поднялся на этаж, открыл дверь. В прихожей было тихо и пусто.

Павел снял куртку, повесил её на вешалку. Прошёл на кухню, включил чайник. Смотрел, как закипает вода, как пузырьки воздуха собираются на дне и устремляются вверх. Ему вдруг стало не по себе. Ощущение, что за ним кто-то стоит, было очень сильным. Он резко обернулся. Никого.

«Показалось, — успокоил он себя. — Устал. Нервное».

Он налил кипятка в кружку, бросил пакетик чая. Сел на табуретку, обхватил кружку ладонями, чтобы согреться. И тут он заметил.

В чашке, в чайной заварке, вместо его собственного смутного отражения мелькнул чей-то чужой силуэт. Всё тот же

плащ, то же неразличимое лицо под капюшоном. Только теперь фигура была прямо за его спиной.

Павел замер. Пульс застучал в висках. Он медленно, очень медленно повернул голову, не отрывая взгляд от чашки. Силуэт в отражении повторил его движение.

Павел резко отодвинул кружку, чуть не опрокинув её. В комнате никого не было. Абсолютно пусто. Только он, тикающие часы и запах заварки.

Он просидел так до полуночи, глядя в стену. Убеждал себя, что это была оптическая иллюзия, что отражение в луже исказилось из-за ветра, а силуэт в чашке — просто усталость глаз.

Но рука дрожала, когда он заваривал вторую кружку. Он не смотрел в чай. Он просто пил его, глядя в окно на мокрый город.

И всё же, где-то на границе сознания, осталась мысль: «А что, если вода — это не просто вода? Что, если это окно? И что, если там, по ту сторону ряби, кто-то тоже смотрит на меня?»

Он так и не решил: показалось или нет. Но с того вечера Павел перестал пить чай в тишине. Он включал телевизор, пусть даже шумно, лишь бы не оставаться наедине со своим лёгким испугом.

.....

Павел стоял у окна своей квартиры и смотрел, как город постепенно погружается в вечерние сумерки. Огни зажигались один за другим, превращая серые улицы в мерцающую сеть. Он вздохнул и отошел от подоконника. На столе лежала раскрытая книга, но читать совсем не хотелось.

Сегодняшний день выдался тяжелым. С самого утра что-то пошло не так: сначала сломался кофемашина, затем на работе возникли непредвиденные трудности с отчетом. Павел чувствовал, как напряжение скапливается где-то в области плеч, делая их каменными.

Он прошел на кухню, налил себе стакан воды и сел за стол. Вспомнил, как в детстве бабушка говорила: «Если проблемы кажутся непреодолимыми, просто разбей их на маленькие шаги». Павел усмехнулся. Совет, безусловно, мудрый, но как применить его сейчас, когда все навалилось разом?

Он достал телефон и открыл заметки. Набрал: «1. Завтра починить кофемашину. 2. Доделать отчет до обеда. 3. Отдохнуть, обязательно отдохнуть. Список получился коротким, но от него стало чуть легче. Павел почувствовал, как напряжение немного отпускает.

За окном окончательно стемнело. Он встал и включил свет в комнате. В этот момент пришло сообщение от старого друга, с которым не виделись уже года два: «Привет, Павел! Случайно оказался в твоём районе. Может, увидимся?» Павел улыбнулся. Возможно, но уже завтра.

С утра интуитивно, не слыша будильника, соскакивает с

постели и глядя на часы.

-Лишь бы не опоздать,
начинает собираться и скорее бежать на работу.

Павел остановился на углу, где вчера ещё был пустырь с заброшенным ларьком. Сегодня здесь стоял небольшой деревянный домик с вывеской, выцветшей до полной нечитаемости. Окна его были затянуты пыльной тканью, но сквозь щели пробивался тёплый зеленоватый свет.

Внутри оказалось просторнее, чем снаружи. Вдоль стен тянулись стеллажи, заставленные самыми странными вещами: часы без стрелок, зеркала с мутной поверхностью, кувшины, издававшие низкий гул, связки сухих кореньев, перетянутых медной проволокой. Пахло старой бумагой, воском и чем-то кисловатым, словно прокисшим молоком.

Павел хотел уйти, но дверь за спиной захлопнулась сама собой. Из полумрака выступила фигура — женщина в длинном платье, расшитом бисером, с серебряной цепочкой на шее. Она не смотрела на него, перебирая что-то на прилавке.

— Заходи, раз пришёл, — сказала она, не поднимая головы. — Нечасто сюда забредают просто так.

Павел сделал шаг вперёд, и тут его взгляд упал на небольшой предмет, лежащий отдельно от остальных — на красной бархатной подушке. Это был старый карманный компас. Корпус из тёмной латуни, местами позеленевший от времени. Крышка распахнута, и внутри вместо стрелки вращалось

что-то похожее на крошечный чёрный вихрь.

Женщина подняла голову и посмотрела прямо на него. Глаза у неё оказались разного цвета — один карий, другой золотистый.

— Он тебя выбрал, — сказала она спокойно. — Или ты его. Смотря кто на кого раньше обратил внимание.

Павел замер. Компас тихо позвякивал, словно живой. И в груди у самого что-то отозвалось — не страх, нет, а скорее тягучее, непривычное чувство, будто его накрыло тёплой, тяжёлой волной. Он протянул руку, но в последний момент отёрнул.

Сердце забилось часто-часто. Хотелось одновременно схватить эту вещь и убежать без оглядки. Павел стоял, не в силах отвести взгляд от компаса. Тот тихо гудел, и вибрация отдавалась где-то в зубах.

— Я не... — начал он, но женщина перебила его, не повышая голоса.

— Ты уже. Просто ещё не знаешь, как это называется.

Она взяла компас с подушки — пальцы у неё были длинные, унизанные перстнями, — и протянула Павлу. Тот машинально взял. Латунь оказалась холодной, неожиданно тяжёлой. Вихрь внутри, завиток чёрного дыма или тумана, тут же замедлился, а потом и вовсе замер, превратившись в неподвижную точку.

— Стрелка сломалась, — сказал Павел, разглядывая ком-

пас. — Он не работает.

— Работает, — возразила женщина. — Просто показывает не стороны света. Смотри внимательнее.

Павел поднёс компас ближе к глазам. Чёрная точка в центре дрогнула — и вдруг вытянулась, превратившись в крошечную стрелку, которая указывала... прямо на него.

— Это компас того, что внутри, — сказала женщина. — Он ведёт туда, где человек сам себе нужен. Только не все готовы туда идти. Многие забирают, а через неделю возвращают. Говорят, «глючит» или «не помогает в походах».

— А он помогает в походах?

— В походах — нет. В другом.

Павел сжал компас в ладони. Тот нагрелся, но не обжигал. Скорее, как живая рука, чуть тёплая.

— Сколько?

Женщина улыбнулась — не криво, не ехидно, а устало, как человек, который сто раз слышал этот вопрос.

— Не продаётся. По крайней мере, за деньги. Ты возьмёшь его, а когда поймёшь, зачем он тебе — вернёшься и расскажешь. Тогда посчитаемся.

Павел хотел возразить, но слова застряли. В груди всё ещё тянуло тем странным, непривычным чувством, и он вдруг понял: он не хочет класть этот компас обратно. Не может.

— Хорошо, — сказал он тихо.

Женщина кивнула и снова уткнулась взглядом в прилавок, будто его уже не существовало.

Павел вышел наружу. Дверь за ним захлопнулась, и он моргнул, ослеплённый серым дневным светом. Он обернулся. Деревянного домика не было. Только пустырь, ржавый остов ларька и лужа, в которой плавал окурок.

Компас в кармане лежал тяжело и тепло.

Вечером Павел сидел на кухне, вертел компас в руках. Тот молчал, стрелка снова застыла чёрной точкой. Павел поднёс его к настольной лампе, покрутил — ничего.

— Показывай, — сказал он вслух. — Куда идти?

Стрелка дёрнулась. Медленно, словно нехотя, она повернулась и указала на дверь — в коридор, где висело зеркало.

Павел усмехнулся:

— В туалет, что ли?

Но компас не шутил. Он тихо вибрировал, нагреваясь, и стрелка не двигалась.

Павел встал, прошёл в коридор. Компас тут же дёрнулся — теперь стрелка указывала на входную дверь.

— На улицу, значит?

Он надел куртку, сунул ноги в кроссовки, взял ключи. Было уже за полночь. За окном — мокрый асфальт, пустая дорога, жёлтый свет фонарей.

Павел вышел из подъезда. Компас вибрировал настойчиво, стрелка тянула влево, туда, где за гаражами начиналась заброшенная промзона. Он никогда туда не ходил. Не было ни причины, ни желания.

Но сейчас — пошёл.

Он шагал по лужам, уже не обходя их, чувствуя, как вода просачивается сквозь кроссовки и холодит ноги. Компас вёл его через ржавые заборы, мимо груд кирпича, мимо разбитых фонарей. Где-то вдалеке лаяла собака, шуршала листва, ветер гнал по асфальту пустой пакет.

Павел остановился перед бетонной стеной с провалом, за которым чернела пустота. Компас нагрелся так, что обжигал пальцы. Стрелка крутилась, не останавливаясь.

— Дальше тупик, — сказал Павел вслух.

И тут из провала донеслось: не голос, не шорох, а ощущение — будто кто-то стоит там, в темноте, и смотрит на него. Точно так же, как тогда, в отражении лужи.

Тепло от компаса разлилось по руке, поднялось к плечу, к груди. И страх вдруг отступил. Вместо него пришло любопытство — острое, почти детское.

— Ладно, — сказал Павел и шагнул в провал.

Тьма сомкнулась вокруг него — тёплая, густая, как кисель. Компас в руке светился тусклым зелёным светом, разгоняя мрак ровно настолько, чтобы Павел видел свои ноги. Под ногами была не земля, не бетон — а гладкая, чуть влажная поверхность, в которой отражался этот зелёный свет.

Он шёл, не зная, куда и зачем. Но впервые за долгое время чувствовал: он не просто смотрит на мир через мутное стекло. Он — внутри мира. И мир этот дышит, пульсирует, ждёт.

Павел шёл, не зная, сколько времени прошло. Минуты

или часы — тьма вокруг была одинаково плотной, и только зелёное свечение компаса задавало ритм. Но вот он заметил, что поверхность под ногами начала светлеть. Сначала бледно-серые пятна, потом — серебристые прожилки, а затем пол под ним стал прозрачным, как лёд. Внизу, глубоко под ногами, что-то шевелилось. Не вода, не песок — что-то живое, пульсирующее, как огромное сердце.

Компас дёрнулся, стрелка описала круг и замерла, указывая строго вниз. Павел опустил взгляд. Там, за прозрачной толщей, он увидел нечто, от чего перехватило дыхание. Сначала — собственное отражение, но не такое, как в зеркале. Оно стояло к нему спиной, в той же куртке, с такой же фигурой. И смотрело на горизонт, где занимался рассвет. Тот, другой Павел, не оборачиваясь, поднял руку и помахал. Не прощаясь. Приглашая.

Павел хотел крикнуть, но звук застрял в горле. Он шагнул вперёд, прямо на прозрачный пол, не боясь провалиться. И в этот момент тьма вокруг дрогнула, распалась на тысячи светящихся точек, и он оказался... дома. У себя на кухне. Включённый свет, остывший чай на столе, раскрытая книга. Компас лежал на ладони. Стрелка снова застыла, но теперь она слабо поблёскивала — не чёрная, а будто покрытая тонким слоем серебра. От компаса исходил едва уловимый аромат, которого Павел никогда раньше не чувствовал. Свежий и чистый, как дыхание весны.

Он подошёл к окну. Город спал, укутанный синевой. И

вдруг — на мгновение, на долю секунды — Павлу показалось, что за окном, вместо привычного серого асфальта и машин, распустились сотни невесомых розовых лепестков. Они кружились в воздухе, не касаясь земли, оседали на подоконнике, таяли, словно были сотканы из самого воздуха. Павел моргнул — и всё исчезло. Только тихий, едва слышимый шелест, будто кто-то вздохнул на прощание. И компас в руке мягко, уютно потеплел, словно напоминая: он здесь. И он покажет, куда идти.

.....

Павел стоял у окна, всё ещё чувствуя на пальцах тепло компаса. Он провёл большим пальцем по латунной крышке — и тут заметил то, чего не видел раньше. По краю корпуса вилась тонкая, почти неразличимая гравировка: не буквы, не цифры, а спираль, уходящая внутрь металла. Он поднёс компас к свету, и спираль дрогнула, словно живая, закручиваясь ещё туже.

— Что ты такое? — прошептал Павел.

Компас не ответил. Но Павел вдруг поймал себя на мысли, что в комнате изменился запах. Исчез привычный дух старой мебели и уличной пыли. Вместо этого пахло... морем. Солью, мокрым деревом, йодом и чем-то смолистым. Павел глубоко

вдохнул — и перед глазами всё поплыло.

Он моргнул, и комната исчезла.

Теперь он стоял на палубе деревянного судна. Вокруг — бескрайнее серое море, небо в тяжёлых тучах, ветер рвёт полы длинного плаща, накинутого на плечи. Павел опустил взгляд — руки его были не его: грубые, в мозолях, с обветренной кожей. На пальце — массивное серебряное кольцо с таким же, как на компасе, узором-спиралью.

— Капитан! — крикнул кто-то сзади. — Курс прежний?

Павел обернулся. Перед ним стоял юнга — мальчишка лет пятнадцати, с испуганными глазами и трясущимися губами. За его спиной суетилась команда: кто-то крепил снасти, кто-то вычерпывал воду, кто-то смотрел на горизонт с надеждой и страхом одновременно.

Павел понял: он не просто видит прошлое. Он внутри него. Он — тот, кто держит в руках этот компас. Настоящий хозяин.

Он — капитан Сергей Ракитов, мореплаватель, искатель нового пути. Три года назад он отправился в экспедицию на север, чтобы найти пролив, который соединит два океана.

Компас достался ему от отца, а тому — от деда. Говорили, что он сделан из обломка звезды, упавшей в море, и что он ведёт хозяина туда, где тот нужен себе самому. Но для капитана Ракитова компас всегда был просто навигационным прибором — точным, надёжным, но всё же только инструментом. Пока не случилось то, что случилось.

— Шторм идёт, капитан, — сказал старший помощник, подходя ближе. — Уйти бы к берегу.

— Нельзя, — ответил Павел голосом капитана. Слова пришли сами, будто он всегда их знал. — Мы на пороге. Ещё день — и мы увидим проход.

Помощник покачал головой, но спорить не стал.

А ночью шторм ударил в полную силу. Волны вздымались выше мачт, ветер рвал паруса в клочья, небо полыхало молниями. Капитан стоял у штурвала, вцепившись в деревянные спицы, и компас в его руке светился — не зелёным, а алым, тревожным, как пожар.

— Держись! — крикнул он, но голос утонул в грохоте.

Следующий удар волны сбил его с ног. Павел почувствовал, как тело капитана летит в ледяную воду. Холод обжёт

лёгкие, тьма сомкнулась вокруг, и в этот момент он увидел то, что снилось капитану Ракитову каждую ночь после — и что Павел теперь видел сам.

Берег. Скалистый, пустынный, залитый странным серебристым светом. На берегу стояла женщина в длинном белом платье, с волосами, разметанными ветром. Она смотрела в море, и в руках у неё был такой же компас — только треснувший, расколотый пополам.

— Ты обещал вернуться, — сказала она тихо, но голос прозвучал прямо в голове у Павла. — Ты обещал, что компас приведёт тебя домой.

Капитан Ракитов захлебнулся, не успев ответить. Его тело пошло ко дну, а компас — светящийся, тёплый — остался в мёртвой руке. И последнее, что почувствовал Павел перед тем, как видение оборвалось, — это не страх смерти. Это была вина. Тяжёлая, липкая, как мазут, вина за то, что он не вернулся. За то, что обещание, данное на берегу, осталось невыполненным.

Павел вынырнул из видения с громким вздохом. Он сидел на полу собственной кухни, прижимая компас к груди. Латунь обжигала холодом, но внутри, под пальцами, пульсировало тепло — слабое, но упрямое, как сердце.

— Ты помнишь его, — прошептал Павел, глядя на компас. — Ты помнишь капитана. И ту женщину на берегу.

Стрелка дрогнула. Медленно, словно нехотя, она повернулась и указала на окно. За стеклом — всё тот же спящий город, всё те же жёлтые фонари. Но Павлу показалось, что в отражении, на долю секунды, мелькнул чей-то силуэт. Женский. В белом.

Он резко обернулся. Никого.

Компас нагрелся сильнее. И Павел вдруг понял: эта вещь не просто показывает путь. Она хранит боль. Она хранит обещание, которое некому выполнить. И, возможно, теперь это обещание легло на его плечи.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Показывай. Я слушаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.